ЯЗЫКИ В ДРЕВНОСТИ

В. В. Напольских

К ПРОБЛЕМАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПРЕДЫСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ (НОСТРАТИЧЕСКАЯ МАКРОСЕМЬЯ ЯЗЫКОВ)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются общие методологические проблемы исследования древнейших этапов предыстории Северной Евразии (XV–V тыс. до н. э.) на примере ностратической макросемьи языков: восприятие традиционными лингвистами макрокомпаративистики и макрокомпаративистами — критики со стороны традиционных лингвистов, соотношение праязыка как формальной лингвистической реконструкции и реального исторического явления, теоретически возможные границы распространения древнего праязыка (рис. 2), роль и место генетики в системе наук, работающих на предысторию и др. Среди конкретных вопросов анализируется ситуация в ностратической реконструкции, проблемы верификации имеющегося этимологического материала, выявления и стратификации древнейших заимствований, состава макросемьи, времени, места и возможных сценариев ее распада (см. рис. 1). Критически рассматриваются некоторые ностратические, индоевропейские (название лошади) и сино-кавказские (названия козы) этимологии. С привлечением данных лингвистики, археологии, генетики и палеогеографии предлагается гипотеза, согласно которой ностратическое единство следует связывать с комплексом близких археологических культур верхнего палеолита, созданных охотниками мамонтовой степи в перигляциальной зоне Евразии от Северного Причерноморья до Прибайкалья, являвшихся носителями близких генетических гаплотипов (Y-хромосома R, мтх-ДНК U); распад праностратического единства (разрыв непосредственных контактов между доиндоевропейскими и доуральскими диалектами общности) мог быть связан с интенсификацией стока приледниковых озер по Тургайскому спиллвею и хвалынской трансгрессией (рис. 3).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предыстория, Северная Евразия, макрокомпаративистика, ностратическая макросемья языков

УДК 81-13=11/=29

DOI 10.31250/2618-8600-2018-1-119-142

НАПОЛЬСКИХ Владимир Владимирович — чл.-корр. РАН, профессор, Удмуртский государственный университет; заведующий лабораторией, Казанский федеральный университет (Россия, Ижевск; Казань)
e-mail: vovia@udm.ru

Представляя, по предложению редакции, свои размышления о перспективах и проблемах исследования глубокой предыстории Евразии на примере ностратической макросемьи языков, хотел бы прежде всего сказать о главной трудности, носящей скорее даже не методологический, а когнитивный или психологический характер. В исследовании предыстории вообще сложно налаживать сотрудничество специалистов разных дисциплин: лингвистов, археологов, антропологов, генетиков и других, и это обстоятельство хорошо известно. Выработка единого метаязыка предыстории — одна из важнейших задач, стоящих перед палеоисториками. В случае же, когда речь идет о вопросах глубины и сложности типа ностратической, к этой общей проблеме добавляется еще одна, специфика которой не всегда очевидна нелингвистам и может привести ко многим недоумениям. Дело в том, что, когда речь идет о макрокомпаративистике, существует резкое разделение внутри сообщества лингвистов: специалисты в традиционных продвинутых областях вроде индогерманистики или уралистики нередко не принимают сравнений макрокомпаративистов, ссылаясь на естественные трудности глубокой реконструкции, а макрокомпаративисты часто пренебрегают частными проблемами отдельных отраслей языкознания (см. подробные обзоры: Старостин Г. С. 2016; Starostin G. S. 2014); пример такого взаимного непонимания см. ниже в примечании об урало-юкагирском сравнении). Со стороны нередко складывается впечатление, что те и другие говорят на разных языках. Исследователь предыстории оказывается в этой ситуации между двух огней: признавая в принципе справедливость ностратической гипотезы и применяя ее в палеоисторических построениях, в глазах «традиционных» лингвистов выглядишь легковерным дилетантом, а пытаясь показать макрокомпаративистам очевидные недочеты в их построениях и обозначая несообразности этих построений в исторической перспективе, становишься в их глазах участником враждебной группы, отличающимся от «традиционных» лингвистов только все тем же дилетантизмом. Вполне осознавая эту ситуацию, полагаю все-таки необходимым брать на себя задачу наполнения макрокомпаративистских достижений историческим содержанием, не скрывая и критических моментов. Думаю, что только на этом пути возможно наведение мостов и установление взаимопонимания — как между лингвистами разных «лагерей», так и между специалистами разных смежных наук. Этими соображениями определяются форма и содержание настоящей статьи.

Итак, гипотеза о древнейшем родстве ряда языковых семей северной Евразии, объединяемых в ностратическую макросемью, получившая свое первоначальное оформление в трудах В. М. Иллич-Свитыча (1971 Т. 1; 1976 Т. 2; 1984 Т. 3), может считаться вполне имеющей право на существование, хотя и чисто лингвистических проблем ее дальнейшего обоснования пока хватает. Состав ностратической макросемьи сегодня

представляется несколько иным по сравнению с тем, что предполагал В. М. Иллич-Свитыч, с минимальными модификациями можно принять точку зрения, сформулированную еще С. А. Старостиным (2007: 769). Главным моментом является положение о самостоятельности афразийской макросемьи, которая если и родственна с ностратической, то только на более глубоком уровне. С. А. Старостин определял ностратическое ядро следующим образом: картвельский, индоевропейский, уральский, алтайский.[1] Принадлежность дравидийского к ностратическим языкам он также принимал, хотя и с оговоркой о том, что эта ветвь, вероятно, отошла от основного ностратического ствола раньше других, и эта точка зрения представляется обоснованной (при этом из всех ностратических семей дравидийский обнаруживает, видимо, наибольшую близость с алтайскими языками). Принадлежность чукотско-камчатского и эскалеутского к ностратической макросемье была для С. А. Старостина не очевидна, но после работ О. А. Мудрака (Мудрак 2000; Mudrak 2008) ситуация прояснилась: эскалеутский (или эскимосский отдельно) безусловно следует относить к ностратическим языкам, причем среди них он особенно близок к алтайским, а чукотско-камчатские языки образуют особую языковую семью, вряд ли связанную генетически с ностратической. Сегодня не представляется возможным отрицать родство уральских и юкагирских языков, которые следует объединять в особое единство в рамках ностратической макросемьи — хотя большинство «традиционных» уралистов по-прежнему не принимают эту гипотезу.[2] Старая точка зрения об особой

---

[1] После появления алтайского этимологического словаря (EDAL) отрицать существование алтайской семьи, в которую входят тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японский языки, уже не приходится, но многие аспекты алтайской реконструкции нуждаются в доработке и переосмыслении (прежде всего — проблема разновременных заимствований между группами алтайских языков).

[2] Новейшая попытка опровергнуть урало-юкагирскую гипотезу проделана в статье (Aikio 2014), представляющей собой разбор параллелей, обозначенных в (Nikolayeva 2006). Обзор носит агрессивно-гиперкритический характер и представляет собой типичный пример реакции «традиционного» лингвиста на макрокомпаративистскую гипотезу. Кроме всего прочего, например, не заслуживающими обсуждения объявляются автоматически все параллели, обозначенные в (Nikolayeva 2006) знаком вопроса. Делая отрицательный вывод, обосновываемый преимущественно магической ссылкой на «ненадежные фонетические соответствия», автор поучительно сообщает коллегам о «ценном методологическом уроке», который всем следует извлечь из его работы: исследователи нередко используют для макрокомпаративистских построений готовые этимологические словари (в данном случае имеется в виду UEW), а это неправильно, поскольку «этимологические словари зачастую не отражают новейших взглядов <up-to-date views> в исторической фонологии и этимологии соответствующей семьи» (Aikio 2014: 42). Разумеется, это очень верный подход: поскольку «новейшие взгляды» меняются с каждой новой статьей, они всегда позволяют при желании сослаться на «ненадежные фонетические соответствия». На деле, однако, все обстоит гораздо проще. Дело в том, что евангелием финских уралистов в последние десятилетия стал словарик, приложенный к статье (Sammalahti 1988), объявленный «списком надежных прауральских этимологий» (см., например, в (Aikio 2014: 12)) — и те этимологии, которые в этот словарик не включены, автоматически считаются ненадежными и просто не существуют. Как такие «новейшие взгляды» влияют на решение конкретных вопросов, можно видеть на примере: ПФУ (resp. ПУ) **śoďka* / **śodka* ‘вид утки’ ~ ПЮ **sal’gə* ‘гагара’ интерпретируется у А. Айкио не как праурало-

близости уральских (урало-юкагирских) и алтайских (алтайско-эскалеутских) языков, образующих восточную ветвь ностратической макросемьи, представляется мне неопровержимой — как с точки зрения общей лексики, так и имея в виду параллели в фонетическом и грамматическом строе.

Таким образом, на западе ностратическая семья представлена индоевропейским и картвельским. При этом индоевропейский образует сопоставимые по надежности особые связи как с картвельским, так и с уральским праязыком. Причем с уральским его связывают прежде всего лексические параллели (Kassian et al. 2014), а в области морфологии приходится предполагать радикальную перестройку в индоевропейском по сравнению с индо-уральским состоянием (см., например, старые работы Б. Чопа (Čop 1975 и др.)). С другой стороны, и связи индоевропейского с картвельским несомненны, при этом важны не только лексические, но и, что представляется более существенным для решения вопросов о языковом родстве, фонетические и морфологические — в этом отношении во многих аспектах индоевропейский и картвельский образуют просто конгруэнтные системы (Иванов, Гамкрелидзе I: 252 pass.), и их сходство сопоставимо со сходством уральских и алтайских языков. Лексические схождения между индоевропейским и картвельским также имеются, причем очень яркие, а их относительно малое количество объясняется небольшим количеством картвельских языков — статистически по этой причине картвельский вообще имеет меньше всего лексических схождений с другими группами ностратических; кроме того, в картвельском ностратическая лексика, возможно, была вытеснена иноязычным, прежде всего — севернокавказским влиянием.

Время распада ностратического праязыка следует относить как минимум к X–XII тыс. до н. э. (возможно, и древнее — см.: Дыбо, Терентьев 1984: 14), во-первых, исходя из простого рассуждения: распад таких праязыков как уральский или алтайский вряд ли можно датировать ранее V тыс. до н. э., расстояние между каждым из них и ближайшим родственником в пределах ностратической макросемьи (юкагирским и эскалеутским соответственно) настолько велико, что требует как минимум еще 2–3 тысячелетий независимого развития, время распада восточноно-

---

юкагирское наследие, а как раннее самодийское заимствование в юкагирском, поскольку ПУ **d'* дает в ПСам **j* и предполагается, что имело место развитие ПУ **d'* (/**d*) > ранний ПСам **l'* > ПСам **j* (Aikio 2014: 37) (в самодийских корень не зафиксирован, но для владеющих «новейшим взглядом» это, конечно, не помеха). На самом же деле проблема состоит в том, что ПУ **d'* / **d* являются условностью, а точнее — фикцией: так у финских исследователей теперь (в согласии все с тем же евангелием от Саммалахти) принято обозначать фонемы, которые в безнадежно устаревшей общепринятой уралистической транскрипции записываются как **δ́ / *δ* и, судя по рефлексам в большинстве уральских языков, представляли собой скорее латеральные спиранты **λ́ / *λ* — соответственно, эта надежная урало-юкагирская параллель не требует изысков в виде предположения о ранеепрасамодийском заимствовании. Важнейший заслуживающий внимания вывод из ознакомления со статьей А. Айкио состоит в том, что даже при таком подходе он вынужден признавать наличие не менее «двух дюжин» надежных схождений между уральским и юкагирским (Aikio 2014: 41).

стратической (урало-алтайской) общности должно быть отодвинуто еще дальше. Помимо этих общих соображений важно, что в ностратической лексике нет не только следов знакомства с производящим хозяйством (если помещать ностратическую прародину на Ближнем Востоке, как это делали полвека назад, важным хронологическим рубежом будет X тыс. до н. э., когда там начинается становление скотоводства и, возможно, земледелия; для северных регионов эти данные не столь значимы), но и надежных общеностратических этимологий для лука, стрел, лыж, нарт и других изобретений мезолитического времени, равным образом невозможно восстановить и термины, свидетельствующие о знакомстве с керамикой.[3] Такая датировка подтверждается и глоттохронологическими подсчетами (см., например (Касьян 2017)).[4]

В целом состав и взаимоотношения ностратических языков представлены на рис. 1, где также показаны наиболее значимые неностратические влияния, важные для понимания предыстории. Распад ностратического праязыка следует связывать с отделением западной группы от восточной, при этом важно, что между отдельными смежными группами (картвельской и индоевропейской, индоевропейской и уральской, урало-юкагирской и алтайской) сохранялись, видимо, особые ареально-генетические связи, и в целом группировка ностратических языков могла на поздней стадии существования единства выглядеть вытянутой в широтном направлении цепочкой. Несколько выбивается из этой схемы дравидийский, что может объясняться как его ранним отделением от остальных, так и мощным субстратным воздействием, которое он непременно должен был претерпеть при распространении на юг, в особенности в Индостан (см., например, сложности выведения дравидийской системы личных местоимений из ностратической (Старостин Г. С. 2007), которые явно указывают на следы такого воздействия). Однако и дравидийский может найти себе место в этой цепочке, если иметь в виду его связи с алтайскими и уральскими языками.

По-видимому, единственной серьезной попыткой обосновать ностратический праязыковой экологический ареал[5] и прародину является статья С. Е. Яхонтова (1991). На основе того не слишком выразительного материала, который дают ностратические этимологии, и учитывая распространение неностратических (прежде всего — сино-кавказских) язы-

---

[3] В (Иллич-Свитыч Т. 1–3) этимологии с соответствующими значениями имеются, но они либо крайне проблематичны, либо имеют ареальное, не общеностратическое распространение. Подробный их разбор занял бы слишком много места. О необходимости критического анализа ностратической лексики см. ниже.

[4] В макрокомпаративистской литературе можно встретить более поздние датировки распада праностратического, основанные на глоттохронологических подсчетах, которые, однако, следует признать слишком оптимистическими.

[5] Термин уже получил некоторое распространение, но пока не стал общеупотребимым, хотя и абсолютно необходим в палеоисторических исследованиях. Обоснование см. в (Напольских 1997: 126 pass.), подробнее в (Напольских 2015a).

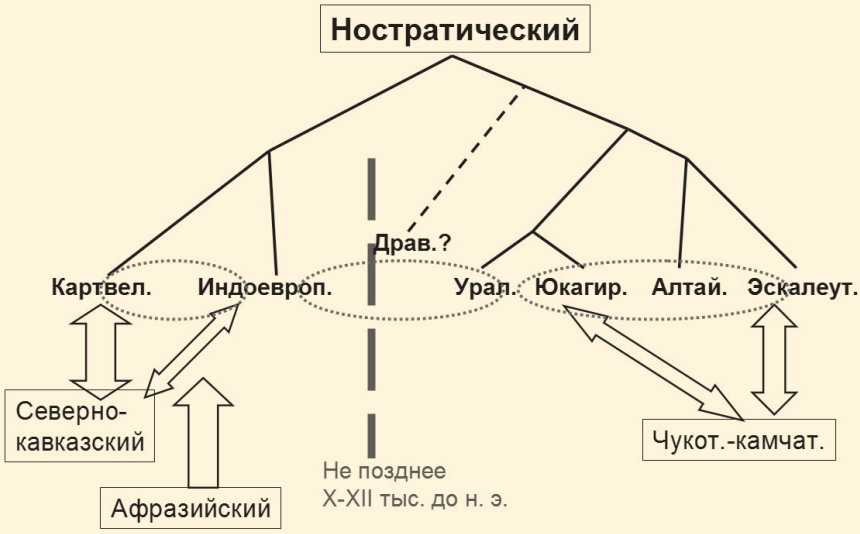

Рис. 1. Состав и членение ностратической макросемьи

Пунктирными овалами обозначены поздние попарные ареально-генетические связи между ностратическими праязыками. Стрелками обозначены важнейшие внешние влияния на отдельные ностратические праязыки после распада макросемьи

ков, он сделал вывод о том, что «наиболее вероятной прародиной ностратических языков являются леса Южного Урала и соседних районов (Поволжья и Западной Сибири)» (Яхонтов 1991). Вывод этот, на мой взгляд, до некоторой степени вписывается в возможные исторические модели, хотя надо отметить два методологически существенных обстоятельства, которые следует иметь в виду в дальнейших разработках.

Во-первых, в палеоисторических построениях нельзя некритически использовать этимологии из словаря В. М. Иллич-Свитыча (Т. 1–3), который по причине трагического ухода из жизни его гениального автора остается практически черновым материалом, собранным полвека назад, когда этимологические разработки для многих языковых семей очень сильно отличались от современного уровня, — достаточно хотя бы просто назвать вышедшие позднее этимологические словари: уральский (UEW), алтайский (EDAL), второе издание дравидийского (DED) и др.

Например, цитируемые С. Е. Яхонтовым ностратические этимологии **капрʌ;* ‘мягкий нарост’ (? ‘гриб’) (Иллич-Свитыч Т. 1, № 158) и **Küjnʌ*, которое в уральском якобы сохранило архаичное значение ‘волк’, в противоположность ‘собаке’, в большинстве других языков (Иллич-Свитыч Т. 1, № 238), именно в уральском праязыке не имеют основания. Ностр. **капрʌ;* в уральских языках отражено только в ППерм

**gob-* (< **gompV-*) ‘гриб’, которое без сомнения является протославянским заимствованием (из того же источника — и соответствия в поволжских тюркских языках, чув. *kə̑mBa*, тат., башк. *gŏ̆mbä* ‘гриб; шишка, нарост’) (Напольских 2006). Ностр. **Küjnʌ;* в уральском также реально представлено только в пермском, и поэтому совершенно справедливо данная этимология не включена, например, в (UEW), причем даже фонотактический облик слов (удм. *kion*, коми *kẹin* ‘волк’) указывает на его нетривиальное происхождение (новообразование или заимствование), а реконструировать прауральские слова для ‘волка’, ‘медведя’ и под. вообще вряд ли возможно в силу повсеместной табуации названий таких животных (см. также: Napol’skich 2001: 369).[6]

Острейшей проблемой, таким образом, является необходимость «чистки» ностратического словаря с учетом достигнутых в отдельных отраслях сравнительно-исторического языкознания результатов. Эта задача не облегчается публикацией словаря А. Б. Долгопольского (Dolgopolsky 2008): во-первых, материал Иллич-Свитыча в нем практически не отфильтрован (упомянутые выше этимологии, например, там представлены без изменений); во-вторых, А. Б. Долгопольский был сторонником «классического» состава ностратической макросемьи, с включением в нее афразийской как одной из равноправных ветвей, что не соответствует нынешним представлениям (см. выше). Между тем распространившаяся в последние десятилетия в ностратике тенденция, когда требуемая кропотливая критическая работа подменяется построением бесконечных сто-, пятидесяти-, тридцатисловных «диагностических списков» в рамках лексикостатистического метода М. Сводеша, является бессмысленной игрой в бисер и, по сути дела, не имеет смысла.[7]

Критическая обработка ностратического словаря должна заключаться не только в исключении ненадежных этимологий, но и, пожалуй, прежде всего, в обосновании и построении относительной хронологии пластов заимствований как между макросемьями (например, ностратической и сино-кавказской), так и между отдельными группами этих макросемей. Исследование древних языковых контактов дает предыстории гораздо более богатый и ценный материал, чем праязыковые реконструкции. В ностратике этим важнейшим проблемам уделяется непозволитель-

---

[6] В связи с этими двумя этимологиями (и множеством других) должен заметить, что никак нельзя согласиться с тезисом о том, что «В. М. Иллич-Свитычу никогда бы не пришло в голову сопоставлять с уральскими и алтайскими формами изолированное санскритское слово вместо праиндоевропейского» (Старостин Г. С. 2016: 407–408). При всем уважении к научному подвигу В. М. Иллич-Свитыча представлять его словарь более надежным, чем он есть, вряд ли полезно для дела.

[7] Замечательный пример такого рода упражнений — вывод в статье (Starostin G. S. 2002: 169): наличие в «диагностическом списке» из полусотни слов по полутора десятка разной степени надежности схождений между эламским и ностратическим, с одной стороны, и эламским и афразийским — с другой, трактуется как свидетельство того, что эламский является «мостом» между этими макросемьями и возможным ответвлением древнейшей «бореальной» мегасемьи, объединяющей обе эти макросемьи. Думаю, что комментарии тут излишни.

но мало внимания; имеющиеся работы (прежде всего Старостин 1988; Starostin 2007) только намечают в самом общем виде набор древнейших заимствований между макросемьями. Многие из них вполне приемлемы и представляют собой очень большой интерес с историко-культурной точки зрения (например, ПИЕ **kermus-* ‘название съедобного растения (черемуха, рябина, дикий лук)’ ~ ПСевК **kkărmuśV* ‘айва или сходное плодоносящее растение’; ПИЕ **ār(H)o-* ‘простор’ ~ ПСевК **ʔār(H)V* ‘поле, равнина’; ПИЕ **lino-* ‘лен’ ~ ПСевК **ƛ͡winʔɨ* ‘семя (в частности, льняное)’; ПИЕ **kwer-* ‘сосуд, котел’ ~ ПВостК **ḳwărV* ‘глиняный сосуд’ и др.). Другие же выглядят слишком натянутыми с семантической или фонетической точки зрения. Характернейший пример для иллюстрации качества этих сопоставлений: при сравнении ПИЕ **Hu̯ələnā* ‘шерсть’ ~ ПВостК **ƛ̆wāhnɨ* ‘шерсть’ сказано: «Сегментный состав ПИЕ и ПВ<ост>К формы идентичен <...> за исключением позиции ларингала» (Старостин 2007: 319); поскольку в других случаях латеральные ПСевК аффрикаты соответствуют у С. А. Старостина ПИЕ велярным смычным, об идентичности «сегментного состава» речи быть не может, не говоря уж о том, что такой критерий крайне недостаточен для постулирования этимологической связи.

Дело, однако, не столько в качестве сопоставлений, сколько в принципиальной позиции: параллели между ПИЕ и ПСевК объясняются либо как свидетельства древнейшего родства («бореальная» гипотеза), либо как непосредственные заимствования из одного из этих праязыков-реконструктов в другой. Первая из этих возможностей настолько туманна, что обсуждение ее излишне. Вторая же из возможностей предполагает на самом деле множество исторических импликаций, но это многообразие почти никогда не принимается во внимание. Впрочем, это в какой-то мере естественно: уровень точности реконструкции в макрокомпаративистике не всегда позволяет стратифицировать заимствования. Однако даже в этой ситуации следует, например, считаться с возможностью распространения заимствований по цепочке диалектов в рамках ареально-генетических связей между ними уже после распада праязыкового единства или независимого заимствования на ранних стадиях существования дочерних праязыков, имея в виду, что при этом могут возникать фонетические соответствия между отдельными языками, которые выглядят вполне «праязыковыми».[8]

Для примера имеет смысл вкратце разобрать один значимый для палеоисторических построений случай. Соответствие ПИЕ **Hek̑u̯o-* ‘лошадь’ ~ ПСевК **ħɨ[n]čwĭ* ‘лошадь’ в макрокомпаративистике интерпретируется как севернокавказское заимствование в праиндоевропейском (еще в (Старостин 1988); с более подробной аргументацией в (Кулланда 2008). Исторические импликации такого факта были бы очевидны и очень важ-

[8] Поясню на примере: русское слово *коса* (орудие) заимствовано в коми в форме *kosa* (не совсем тривиально, в норме ожидалось бы *kęsa*), а в удмуртском адаптировано как *kuso*, что позволяет формальную реконструкцию ППерм **kosa*, хотя, конечно же, прапермским это словом не является.

ны. Однако аргументы в пользу такого направления заимствования нельзя признать состоятельными. Нетривиальный облик греческого рефлекса (*ἵππος*) дела не меняет: в любом случае речь идет о позднем развитии. Тезис об упрощении фонетического облика слова (фонологическая система прасевернокавказского была явно сложнее праиндоевропейской, что важно для решения вопроса о направлении заимствований в целом) здесь не проходит: фонемный («сегментный») состав обеих реконструкций практически идентичен. Тезис о более раннем распаде прасевернокавказского строится на глоттохронологических подсчетах, которые у разных исследователей дают разные результаты (см.: Кулланда 2008: 67)), в том числе — и прямо противоположные (см., например, Касьян 2017, рис. 4), где время распада ПСевК — 3800 г. до н. э., а ПИЕ («индо-хеттского») — 4340 г. до н. э.), и, самое главное, без дополнительных аргументов не могут быть достаточным основанием для датирования праязыковых процессов. Тезис о наличии в ПИЕ других заимствований из ПСевК, отражающих развитие производящего хозяйства (даже если все эти этимологии верны, что также небесспорно) принципиального значения не имеет: становление производящего хозяйства вообще и одомашнивание лошади в частности (одно из наиболее поздно прирученных животных) — не обязательно одновременные и взаимосвязанные процессы.

С одной стороны, у ПСевК названия лошади отсутствует внутренняя этимология: требующая пространного историко-культурного обоснования (раннее использование лошадей под вьюк) попытка связать его с ПВосК глагольной основой *=*ačo-* ‘нагружать, запрягать’ (Кулланда 2008: 676), которая реконструируется весьма гипотетически и закономерно отсутствует в (NCED), малоубедительна — характерно, что сам С. А. Старостин считал, что предполагаемая А. И. Абдоковым связь ПСевК **ḥṫ[n]čwĭ* ‘лошадь’ с другим (другим ли?), но близким фонетически глагольным корнем **=ačwV* ‘нести, везти, тащить’ встречает “фонетические проблемы” (NCED: 521). С другой стороны, ПИЕ **Hek̂u̯o-* ‘лошадь’ такую внутреннюю этимологию имеет — см. версию, практически не вызывающую сколько-нибудь серьезных возражений: др.-инд. *āśu-*, ав. *āsu-*, греч. *ὠκύς* ‘быстрый’ < **ōk̂u-* = в «ларингалистической» реконструкции **h₂o-h₁k̂u-* ‘обладающий скоростью’, бахуврихи с восстанавливаемым вторым компонентом **h₁ok̂u-* / **h₁ek̂u-* ‘быстрота, скорость’, откуда естественно образуется **h₁ek̂u̯-o-* ‘быстрый’ (ср. аналогичное — и в семантическом, и в морфологическом плане — образование ПИЕ **u̯et-es-* ‘год’ > **u̯ets-o-* ‘теленок’, букв. ‘годовалый’ или ‘сеголетний’) (Lipp 2009: 75–76). Важно, что эта этимология вписывается в традицию именования животных (и не только) в праиндоевропейском по их характерным признакам и функциям (волк — букв. ‘рвущий’, рысь — ‘светящийся’, заяц — ‘серый’, бык — ‘изливающий (семя)’, поросенок — ‘пятнистый’ и др.) (Иванов, Гамкрелидзе II: 492–522, 566–594), сюда же — и показанный выше

‘теленок’, а также, возможно, *k̂eu̯-on- ‘собака’, букв. ‘следящий’ < *keu̯- / *ku- со вторичной палатализацией (Lipp 2009: 78–79).[9]

Для восстановления ПСевК *ħɨ[n]čwĭ привлекаются авар.-анд. *ʔičʷa, дарг. *ʔurči (<*ʔuč-ri), лезг. *ʕɨnšʷ, ПВостК *čʷə и др. Приводятся также груз. *ači*, *ači* подзывное слово для лошади, *ačua* ‘лошадка’ (детское), которые считаются заимствованиями из севернокавказского источника. Для реконструкции *-[n]-, как видим, основанием является только лезгинский, точнее — только арчинский, где *n-* в *noIš* ‘лошадь’ (при собственно лезг. *šiw*) объявляется появившимся в результате метатезы (NCED: 520–521). Поскольку основания для *-[n]- ничтожны, нельзя не обратить внимания на то, что все слова севернокавказских языков могут быть результатами адаптации ранней арийской формы типа *Nečwa- (< *Nek̂u̯o- с, возможно, еще сохранявшимся ларингалом) > ар. *ačwa- > др.-инд. *áśva-* ‘лошадь’, перс. *asp* и т. д. Единственное условие для принятия этой гипотезы — допущение параллельного заимствования важнейшего культурного термина в севернокавказские языки из индоевропейского источника уже после распада прасевернокавказского единства с образованием квазипраязыковых фонетических соответствий. Допущение это абсолютно естественно, если подходить к решению вопроса не механистически, а учитывая исторически мыслимые возможности.

Вообще невнимание к заимствованиям, характерное для макрокомпаративистики, является одной из причин, снижающих качество реконструкций. Это относится не только к (Иллич-Свитыч Т. 1–3), но и, например, к сино-кавказской базе данных (SCEty): С. А. Старостин, к сожалению, также успел оставить нам только предварительный материал, по надежности сопоставимый с материалом словаря В. М. Иллич-Свитыча.

Например, в (SCEty) имеется девять «прасино-кавказских» слов со значением ‘goat’, которые, несмотря на невозможность восстановления значения ‘домашняя коза’, могут наряду с другими подходящими этимологиями использоваться и используются для постулирования знакомства носителей прасино-кавказского со скотоводством. При этом среди упомянутых девяти реконструкций находим следующие:

ПСК *ʔēj[ʒ́]wḗ ‘goat’: ПСевК *ʔējʒ́wē ~ бур. *aćás ‘sheep, goat’. Слово «бурушаски» никак нельзя отделять от др.-инд. *ajá-* ‘козел’ и его производных в индоарийских языках, оно скорее всего заимствовано.

ПСК *bV[ç]V ‘kid, goat’: ПСевК *b[a]çV ‘kid, young goat’ ~ бур. *buć ‘ungelt male goat 2–3 years old’. Слово «бурушаски» — очевидное заимствование из руш., шугн. и др. *buč* ‘козел’ (ЭСИрЯ II: 192), ПСевК *bV[ç]V*, впрочем, также может быть заимствованием из перс. *boz* или из какого-нибудь другого деривата иран. *būźa- < ар. *bhūja-*.

---

[9] Ср. макрокомпаративистский подход: «слово *ek̂u̯o- не имеет глубокой, ностратической этимологии, а потому может быть заимствованием» (Кулланда 2008: 671). Альтернатива, видимо, исчерпывается пра(пра...)языковым происхождением или прямым заимствованием.

ПСК **[ṭ]ūgV́* ‘goat’: ПСевК **ṭūgV* ‘he-goat’ ~ бур. **thugár* ‘goat’. Почему ПСевК слово не может быть тюркизмом (тю. *taqa* ‘баран’)? Видимо, считается, что палатализация типа адыг. *tača-* или метатеза типа тинд. *ṭuḱa* / *ḳ́uta* обязательно должны быть чрезвычайно древними, но доказательств у этого предположения нет.

Остальные слова для ‘козы’ в (SCEty) имеют в дериватах значения ‘самка’, ‘самец’, ‘бык’ и т. п., что не позволяет реконструировать внятную семантику для праформы и, соответственно, делает весьма расплывчатыми перспективы предположения о знакомстве носителей прасино-кавказского с домашней козой.

Итак, первая большая проблема, стоящая перед исследователем древнейшей предыстории Евразии — определение реально надежного материала в лексиконах реконструируемых макросемей и хотя бы предварительное установление картины древних языковых (resp. культурных) контактов и их стратификация.

Вторая проблема, которая становится ясной при анализе статьи С. Е. Яхонтова, связана с пространственным расположением праязыка и с (палео)географией и также распадается на две составляющие.

Во-первых, это вопрос о соотношении праязыка как лингвистической реконструкции (набор формул) и реальной исторической общности, которая за этим стояла, тесно связанный, в частности, с проблемой теоретически возможных границ распространения палеолитического языка, например, ностратического (независимо от споров о времени его распада речь может идти только о финальном палеолите): в пределах какой площади возможно было при тогдашнем уровне развития коммуникаций существование социальной общности, поддерживавшей относительное культурное и соответствующее ему языковое единство, достаточное для того, чтобы его следы сохранились в группах ностратических языков и позволили обнаружить их родство? Вопрос не праздный и предусматривает, кроме прочего, возможность различных сценариев. Например, вполне допустимо предполагать, что на ранних стадиях своего существования такой «праязык» представлял собой группу языков, как имеющих, так и не имеющих общих предков, между которыми существовали интенсивные контактные взаимосвязи, обеспечиваемые общими религиозными ритуалами, сопряженными с природно-хозяйственными циклами и первобытной полиглоссией, когда по крайней мере взрослые мужчины каждой такой группы в той или иной мере знали и время от времени активно использовали языки своих соседей. И только в конце существования праязыка, вследствие каких-то революционных событий, спровоцированных резкими природными, хозяйственными или социальными сдвигами, у всех этих групп получил распространение один общий язык (например, язык первых земледельцев, язык быстро распространившейся новой религии или язык, ставший средством межплеменного общения при интенсивных военных конфликтах с

враждебными племенами). Естественно, функционирование в качестве такой lingua franca обязательно должно было привести к изменениям в этом языке, связанным с адаптацией его к различным артикуляционным и грамматико-синтаксическим привычкам членов разных групп, а лексика его могла и вовсе сложиться из разных источников, и таким образом lingua franca не мог быть идентичен племенному языку, который лег в его основу (как средиземноморский lingua franca не был идентичен венецианскому итальянскому), а представлял собой новый языковой организм. Таким образом, время существования собственно ностратического, например, праязыка могло быть совсем недолгим. Данный сценарий — лишь один из многих, но он так или иначе может быть проиллюстрирован историческими примерами: скажем, романский праязык, то есть совокупность общепонятных позднелатинских говоров, которыми пользовалось население разных территорий (Западной) Римской империи в IV–VIII вв., конечно же, не был идентичен золотой латыни Цицерона и Цезаря.[10] Важно поэтому понимать различия между предполагаемыми палеоисторическими реалиями и формальной лингвистической реконструкцией, которая служит основой для наших представлений об этих реалиях, но не идентична им.[11]

Относительно неолитической культуры (керамический неолит охотников и рыболовов лесной зоны) носителей финно-угорского праязыка имеется хорошая параллель, иллюстрирующая возможности территориального распространения единой культурно-языковой общности, предложенная Л.-Г. Ларссоном (Larsson 1990). Он предположил, что в силу сходства культурно-хозяйственного уклада и природных условий жизни прафинно-угров IV–III тыс. до н. э. и индейцев кри в начале XIX в. ареал распространения прафинно-угорского может быть сопоставим по площади с ареалом распространения диалектов языка кри. В целом это сравнение представляется корректным с небольшой поправкой: кри значительно расширили на восток свой ареал к началу XIX в. за счет полученных от участия в пушной торговле с европейцами преимуществ. Результаты сравнения показаны на рис. 2: теоретически, таким образом, поздняя финно-угорская (resp. уральская) прародина вполне могла охватывать обширную полосу южнотаежных и смешанных лесов по крайней мере от верхней Оби до нижней Камы.

Для палеолитического времени найти подобную аналогию вряд ли получится, но считаться с тем, что и в столь глубокой древности (в особенности, например, в условиях верхнего палеолита в мамонтовой

[10] Рискну высказать крамольную мысль о том, что время только документированного существования латыни от первых ее письменных памятников безусловно больше времени существования романского праязыка, более того: в известной мере латынь существует и сегодня, когда романский праязык давно уже умер. Аналогична, по-видимому, ситуация с древнеиндийским и его продолжением в санскрите (который и сегодня является родным языком для тысяч людей) и индоарийским праязыком.

[11] Здесь развиваются соображения, изложенные ранее в (Напольских 2015а).

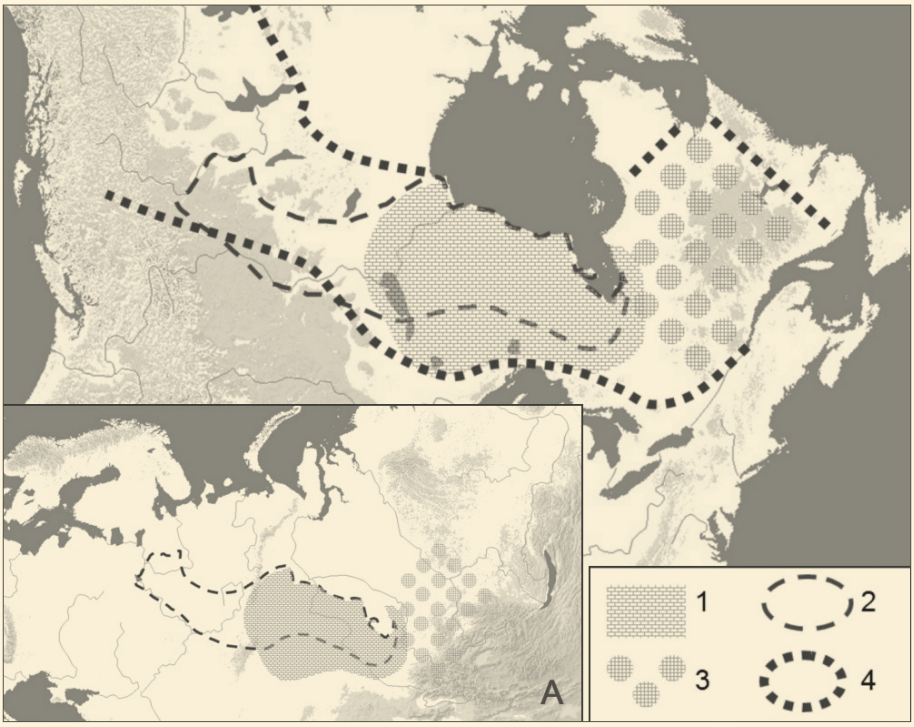

Рис. 2. Теоретически возможная площадь распространения неолитического праязыка
1 — ареал распространения диалектов кри в начале XVII в. (Crowe 1977; Mason 1967); 2 — то же в начале XIX в.; 3 — языки монтанье и наскапи, близко родственные кри; 4 — граница зоны таежных лесов. Врезка А — перенос в аналогичном масштабе карты распространения диалектов кри на регион уральской прародины

степи с ее достаточно обильными ресурсами и соответствующей высокой плотностью населения) праязыковая общность могла занимать достаточно обширную территорию, видимо, следует. Важнейшим обстоятельством является то, что эта территория должна была располагаться по преимуществу в пределах одной природной зоны — подобно тому как ареал обитания кри за исключением небольшого и позднейшего степного анклава почти не выходил за пределы (южно)таежных лесов. При этом и дальнейшее расселение разных групп должно было, скорее всего, происходить в пределах сходных природных зон — либо следует объяснить смену природного окружения (резкими сдвигами природных границ или революционными изменениями жизненного уклада людей — для финального палеолита мыслима скорее первая возможность).

Во-вторых, необходимо учитывать известное исследователям предыстории положение об изменчивости природной среды и эпохальных сдвигах природных границ в прошлом. Хотя С. Е. Яхонтов указывает на

то обстоятельство, что «15 тысяч лет назад еще продолжался ледниковый период. Растительные зоны были сдвинуты к югу по сравнению с их современным положением» (Яхонтов 1991: 16), этой оговорки крайне недостаточно. Дело в том, что речь идет о финальном плейстоцене, времени, когда вся структура биогеоценозов в перигляциальной зоне была иной, а в конце которого, с таянием ледника, в этом отношении произошли эпохальные сдвиги, носившие для первобытного человека революционный и даже катастрофический характер: вымирание мамонтовой мегафауны, освобождение из-подо льда огромных территорий, сопряженное со сменой гидрологического режима и сложением современных речных и озерных систем, продвижение леса на север и образование на крайнем севере вместо мамонтовой степи тайги и тундры и т. д.

Помимо аргументов, приводимых С. Е. Яхонтовым, на относительно северную локализацию ностратической прародины указывает то обстоятельство, что, с исключением из состава макросемьи афразийского и возможностью помещения индоевропейской прародины в степной зоне Евразии или в Центральной Европе (эти две гипотезы представляются мне равно вероятными, более того, я не вижу здесь противоречия: индоевропейская прародина вполне могла занимать полосу от нижней Волги до верхнего Рейна), прародины всех ностратических языков (кроме дравидийского, об особом месте которого сказано выше, и который, при принятии его ностратической принадлежности, в любом случае в Индии является пришлым) расположены севернее сороковой параллели. Важно, что при этом в ностратическую макросемью входят языки, севернее которых нет ничего и для которых в большинстве случаев не приходится предполагать какого-то северного субстрата (юкагиро-уральские и эскалеутские).[12] Эти соображения могут указывать на то, что носители по крайней мере восточных ностратических языков были среди групп, которые в конце ледниковой эпохи первыми освоили север Сибири, и, следовательно, их языковые предки населяли в эпоху ностратического единства восточные районы предледниковой зоны северной Евразии. Условия жизни верхнепалеолитических охотников в мамонтовой степи были достаточно благоприятными, чтобы обеспечить стабильность достаточно больших коллективов, а культурные связи между ними в широтном направлении могли обеспечиваться единым культурно-хозяйственным типом, сходной средой обитания и путями сообщения вдоль южного побережья перигляциальных водоемов.

Сложнее обстоит дело с западно-ностратическим блоком. В связи с обозначенными выше проблемами взаимоотношений индоевропейского с уральским, с одной стороны, и с картвельским — с другой, важнейшим

[12] Среди уральских языков очевидный неуральский (и, насколько можно судить, неностратический) субстрат присутствует только в саамском, то есть не на северной, а на западной периферии уральского ареала.

пунктом для предыстории ностратической макросемьи является вопрос о реальных взаимоотношениях картвельского с индоевропейским и о генезисе картвельского: следует ли считать его древнейшим языковым типом Закавказья и Большого Кавказа или рассматривать его здесь как пришлый. С этой темой сопряжен и сложный узел проблем, связанных с явными следами разновременных взаимных влияний картвельского и севернокавказских языков: в картвельском очевидны следы субстратных влияний как нахско-дагестанских, так и адыго-абхазских языков (при безусловном наличии и пластов обратных заимствований, которые, однако, являются скорее более поздними). В случае предположения о пришлом происхождении картвельского в западном Закавказье для решения вопроса о его истоках важное значение имеет очевидное отсутствие каких-либо следов картвельского или близких к нему языков в огромном массиве древних письменных источников Передней Азии, в том числе — и в ономастике. Кроме того, принимая во внимание гипотезы о родстве с севернокавказскими языками хуррито-урартских (вопрос, видимо, следует считать решенным) и хаттского (менее определенная ситуация, но основания для такой гипотезы есть), а также окончательное раскрытие агванского языка как принадлежащего к лезгинской группе, можно полагать, что по крайней мере восточное (если не все) Закавказье, восточная Анатолия и Армянское нагорье в древности были заняты севернокавказскими языками и места для протокартвельского на этих территориях просто не остается. На северные истоки картвельского скорее указывает и позиция сванского языка: хотя абсолютизировать известную идею о локализации прародины в районе, где встречаются наиболее отдаленные друг от друга языки одной группы, нельзя, нередко так бывает (Западная Сибирь — прародина уральцев и район соседства самодийских и (финно-)угорских языков, южная Скандинавия и север Германии — прародина германцев и район соседства западно- и северногерманских, а в древности, видимо, и восточногерманских языков и т. д.). С этой точки зрения позднюю прародину картвелов имеет смысл искать поблизости от западных предгорий Большого Кавказского хребта, но не на дальнем юге.

Если, таким образом, допустить, что древнейшие этапы происхождения картвельского связаны с Северным Кавказом и Предкавказьем, появляется реальная возможность локализовать западно-ностратическую (индоевропейско-картвельскую) общность в финальном палеолите в регионе к северу от Большого Кавказского хребта, в Северном Причерноморье и Прикаспии. Дальнейшие судьбы предков индоевропейцев и картвелов, становление поздних прародин этих семей должны были быть связаны с их контактами с прасевернокавказским и, возможно, опосредованно — с прасемитским. Археологически значимым моментом в этой истории может быть сложение в Северном Предкавказье в начале IV тыс. до н. э. майкопской археологической культуры, истоки ко-

торой, очевидно, находятся на юге, в Анатолии или даже в Месопотамии (Черных, Орловская 2008), в связи с чем можно говорить о миграции на север севернокавказского по языку населения (см.: Касьян 2017). Впрочем, анализ этих проблем выводит нас далеко за рамки статьи.

Восточными соседями индоевропейско-картвельской общности могли быть носители доуральских диалектов ностратического, давшие затем начало прауральскому в лесной зоне Западной Сибири. Таким образом, общий ареал ностратической общности мог иметь довольно большую протяженность в перигляциальной зоне Евразии: от Северного Причерноморья до Забайкалья. В таком случае, возвращаясь к возможным границам финально-палеолитического культурно-языкового единства, имеет смысл задаться вопросом: есть ли какие-нибудь аргументы в пользу такого единства на столь обширных территориях?

По особенностям техники обработки камня, реконструируемым способам постройки жилища, а также и по развитию изобразительного искусства верхнепалеолитические стоянки мальтинско-буретской культуры Ангары или, шире, ангаро-чулымской области (Палеолит СССР 1984: 332–333) давно сопоставляли со стоянками и культурами Европы (Костёнки, Сунгирь — вплоть до классических памятников западноевропейского ориньяка). Сегодня появился дополнительный аргумент в пользу этого сближения: анализ генома ребенка из погребения в Мальте (а также и антропологических материалов со стоянки Афонтова Гора на Енисее) (Raghavan et al. 2014) показал его принадлежность по митохондриальной ДНК к гаплогруппе U, широко распространенной с древности в Европе и на Ближнем Востоке. По Y-хромосоме обитатель Мальты оказался принадлежащим к архаичному варианту гаплогруппы R, также связывающей его с населением Европы и, в частности, с индоевропейскими по языку популяциями.[13] Таким образом, и в культурном отношении, и судя по био-

[13] Между тем мальтиец обнаруживает связи с аборигенами Америки, на что было обращено гораздо больше внимание в многочисленных откликах на результаты работы (Raghavan et al. 2014). Означает ли это, что возникает новая надежда для поисков связей ностратических языков с американдскими, которые до сих пор реальных результатов не приносили (самое перспективное из имеющихся направлений намечено в работе (Viitso 1971), однако большого энтузиазма в макрокомпаративистике не вызвало), — сказать сложно. Здесь, видимо, имеет смысл коротко пояснить значение данных генетики для исследования предыстории вообще. Дело в том, что эта дисциплина, переживающая естественный бум, получает незаслуженно большое внимание и со стороны исследователей предыстории. Генетические данные на самом деле предоставляют для предыстории материал, всего лишь расширяющий и уточняющий то, что дает традиционная физическая антропология: безусловно важны данные о биологических связях человеческих популяций во времени и пространстве, возможность продемонстрировать реальные миграции и брачные контакты разных групп, но прямого отношения к разрешению проблем предыстории, состоящих в эволюции языка, культуры и самосознания человеческих сообществ, эти данные иметь никак не могут. Отчасти это связано с тем, что физическая антропология попала в послевоенное время на Западе под каток политкорректной революции, практически уничтожившей ее (см., например, Яблонский 2016) — мне, правда, осталось не ясным, почему Л. Т. Яблонский писал о проблемах только североамериканской науки: в Западной Европе, по моим личным наблюдениям, дело обстоит еще хуже). Естественно, свято место пусто быть не может, исследование эволюции человека как биологического вида не-

логическим связям население мамонтовой степи от Центральной Европы на западе до, по крайней мере, Прибайкалья на востоке обнаруживает черты близости, за которыми могла стоять и близость языковая.

Распад ностратической общности, как уже было обозначено выше, следует связывать в первую очередь с разделением западной и восточной ветвей, точнее с прекращением непосредственных связей между доиндоевропейскими и доуральскими диалектами общности, которое должно было произойти не позднее XII–X тыс. до н. э. Эта дата приемлема еще и потому, что она совпадает со временем перехода от плейстоцена к голоцену, от палеолита к мезолиту, концом последнего оледенения и радикальной перестройкой природной среды и хозяйственно-культурного уклада населения севера Евразии. Если обратиться к палеогеографическим данным, то перед нами раскроется довольно интересная картина. В эпоху осташковско-сартанского оледенения (то есть в период существования археологических памятников типа Мальта и Афонтова Гора) на юге Западной и Средней Сибири существовала система Мансийского и Енисейского подпрудных озер — крупнейшая в Евразии. 20–12 тыс. лет назад эта система соединялась с Аральско-Каспийским бассейном крупнейшим в мире Тургайским стоком, функционирование которого прекратилось в голоцене, 10–11 тыс. лет назад, а максимум имел место в самом конце ледниковой эпохи. Предполагается, что 16–15 тыс. лет назад произошел поворот на юг «всего стока северных рек России», который стал одной из важнейших причин начала великой хвалынской трансгрессии: 16 тыс. лет назад уровень Каспия поднимался со скоростью 2 м в год (Гроссвальд 2009: 67–68). Реконструируемые таким образом катастрофические события должны были привести к разрыву связей между населением предледниковой зоны юга Сибири, где можно локализовать доуральские диалекты праностратического, и северного Предкавказья и юга Европейской России, откуда в дальнейшем можно выводить индоевропейцев. Таким образом, природ-

обходимо, и на место физической антропологии пришла получившая на рубеже XX–XXI вв. второе дыхание генетика. Поразительно при этом, как в западной (а нередко — и в слепо следующей ее мэйнстриму отечественной) науке происходит повторение печального пути физической антропологии, которая была использована для расистских построений середины XX в. (закрадывается предположение, что без расистской составляющей и ее научного обоснования западная идеология просто не может существовать): попытка объяснить все, и прежде всего — культурную и языковую историю человечества, используя абсолютизированный биологический критерий, приводит к абсурдным результатам, которые выдаются за «последнее слово науки». См., например, совсем недавнюю нелепость такого рода в (Damgaard et al. 2018): показав генетические различия между ранними коневодами северного Казахстана (ботайская культура) и создателями ямной и афанасьевской культур, авторы делают вывод о том, что ботайцы... приручили лошадь без участия индоевропейцев! Почему должна быть связь между геномами древних групп, их языком, археологическими культурами и распространением коневодства — Бог весть... Кроме того, благодаря такой экспансии генетики имеет место стремление привнести в предысторию математический аппарат естественных наук, что без понимания специфики палеоисторических и лингвистических исследований также приводит к лишенным смысла построениям, которые опять-таки активно обсуждаются как «новейшие взгляды» и т. д. (см., например, нашумевшую десяток лет назад дилетантскую статью (Gray, Atkinson 2003) и дискуссии вокруг нее).

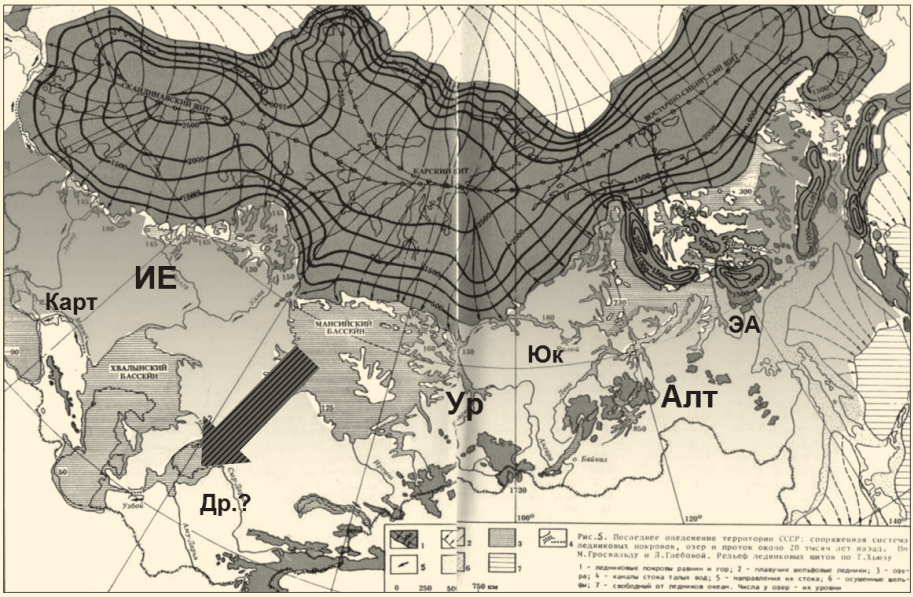

Рис. 3. Палеогеографическая ситуация в конце последнего оледенения и гипотетическая ностратическая прародина

Стрелкой обозначен Тургайский сток, максимум которого мог привести к отделению западноностратической группы от восточноностратической; буквами — возможные районы локализации диалектов ностратической общности (докартвельского, доиндоевропейского, додравидийского, доуральскиго, доюкагирского, доалтайского и доэскалеутского)

ные процессы XIV–X тыс. до н. э. позволяют построить сценарий распада праностратического единства. В целом предлагаемая картина отображена на рис. 3, основой для которого послужила карта Северной Евразии эпохи последнего оледенения из (Гросвальд 1989: 39–40, рис. 5).

Нет сомнения, что многие аспекты предлагаемой модели могут быть изменены и откорректированы — или могут будут предложены совершенно другие, более приемлемые гипотезы. Основной моей задачей было показать перспективы и проблемы междисциплинарных изысканий в исследовании глубокой предыстории.

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ, проект № 18-18-00361.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гросвальд М. Г. Оледенение Русского Севера и Северо-Востока в эпоху последнего великого похолодания // Материалы гляциологических исследований. М., 2009. Вып. 106.

Гросвальд М. Г. Последнее великое оледенение территории СССР // Науки о земле. М., 1989. Вып. 10.

Дыбо В. А., Терентьев В. А. Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: тез. и докл. конф. М., 1984. Ч. 5. С. 8–16.

Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 1–2.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. Т. 1; 1976. Т. 2; 1984. Т. 3.

Касьян А. С., Живлов М. А., Старостин Г. С. Вероятностная оценка индоевропейско-уральского родства: формализованное сравнение реконструированной базисной лексики // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII: материалы междунар. конф. СПб., 2014. С. 382–408.

Касьян А. Майкопская культура, ее происхождение и языковая идентификация: взгляд лингвиста // Генофонд.рф. 2017. URL: http://генофонд.рф/?page_id=28165 (дата обращения: 21.05.2018).

Кулланда С. В. Лошадь в праиндоевропейском // Аспекты компаративистики 3. М., 2008. С. 669–678.

Мудрак О. А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М., 2000.

Напольских В. В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 13–19 (обновленная версия в: (Напольских 2015: 163–180).

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.

Напольских В. В. К методологии палеоисторических реконструкций // Поволжская археология. 2015а. № 4. С. 235–265.

Напольских В. В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. Палеолит СССР. М., 1984.

Старостин Г. С. (при участии А. В. Дыбо, А. Ю. Милитарёва, И. И. Пейроса) К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским. М., 2016.

Старостин Г. С. Еще раз к вопросу о личных местоимениях в дравидийских языках // Аспекты компаративистики 2. М., 2007. С. 101–150.

Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 112–163 (перепечатано в: (Старостин 2007: 312–358).

Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007.

Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008. С. 259–275.

Яблонский Л. Т. «Лысенковщина» в современной американской антропологии и генетике. URL: http://генофонд.рф/?page_id=7182 (дата обращения: 21.05.2018).

Яхонтов С. Е. Прародина ностратических языков // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. М., 1991. С. 13–17.

Aikio A. (Luobbal Sámmol Sámmol Ánte) The Uralic-Yukaghir Lexical Correspondences: Genetic Inheritance, Language Contact or Chance Resemblance? // Finnisch-ugrische Forschungen. 2014. Bd. 62. Helsinki. P. 7–76.

Čop B. Die indogermanische Deklination im Lichte der indouralischen vergleichenden Grammatik // Slovenska Akademia Znatnosti in Umetnosti. 1975. II. T. 31. Ljubljana.

Crowe K. J. A History of the Original Peoples of Northern Canada. Montreal; London, 1977.

Damgaard C., Martiniano R., Kamm J. et al. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia // Science. 09 May 2018. Doi: 10.1126/science.aar7711.

DED — Burrow T., Emeneau M. B. A Dravidian Etymological Dictionary. Oxford, 1984.

Dolgopolsky A. Nostratic Dictionary. In 4 volumes. Cambridge, 2008.

EDAL — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of Altaic Languages (Handbook of Oriental Studies/Handbuch Der Orientalistik). Part 8: Uralic & Central Asian Studies. Leiden, 2003.

Gray R., Atkinson Q. Language-Tree Divergence Times Support the Anatolian Theory of Indo-European Origin // Nature. 2003. 426. P. 435–438. Doi: 10.1038/nature02029.

Larsson L.-G. Zum Problem der uralischen Urheimat // Linguistica uralica. 1990. T. 26. № 4. C. 230–238.

Lipp R. Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen. Band I. Neurekonstruktion, Nuristan-Sprachen, Genese der indoarischen Retroflexe, Indoarisch von Mitanni. Heidelberg, 2009.

Mason L. The Swampy Cree: a Study in Acculturation // Anthropological Papers of National Museum of Canada. 1967. № 13.

Mudrak O. Kamchukchee and Eskimo Glottochronology and Some Altaic-Eskimo Etymologies Found on the Swadesh List // Аспекты компаративистики 3. М., 2008. С. 297–336.

Napol'skich W. Tocharisch-uralische Berührungen: Sprache und Archäologie // Early contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 2001. Vol. 242. S. 367–383.

NCED — *Nikolayev S. L., Starostin S. A.* A North-Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994.

Nikolaeva I. A Historical Distionary of Yukaghir (Trends in Linguistics. Documentation, vol. 25). Berlin; New York, 2006.

Raghavan M., Skoglund P., Graf K. E. et al. Upper Palaeolithic Siberian Genome Reveals Dual Ancestry of Native Americans // Nature. 2014. № 505. P. 87–91. Doi: 10.1038/nature12736.

Sammalahti P. Historical Phonology of the Uralic Languages // The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung. Handbook of Uralic studies). Leiden; New York; København; Köln, 1988. Vol. 1. P. 480–554.

SCEty — *Starostin S. A.* Sino-Caucasian Etymology. URL: http://starling.rinet.ru (дата обращения: 21.05.2018).

Starostin G. S. Macro-Comparative Linguistics in the 21st Century: State of the Art and Perspectives // Вестник РГГУ. Сер.: Филология. Вопросы языкового родства. 2014. Т. 11. С. 1–12.

Starostin G. S. On the Genetic Affiliation of the Elamite Language // Mother Tongue. 2002. VII. P. 147–170.

Starostin S. A. Indo-European Among Other Language Families: Problems of Dating, Contacts and Genetic Relationships // Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 806–820.

UEW — Uralisches etymologisches Wörterbuch. Hrsg. von K. Rédei. Budapest, 1986–1991.

Viitso T.-R. Preliminary Data on the Relation of California Penutian to Uralic and Other Nostratic Languages // Советское финно-угроведение. 1971. Т. 7. № 2.

ON THE PROBLEM OF STUDYING THE MOST ANCIENT PREHISTORY OF NORTHERN EURASIA (NOSTRATIC MACROFAMILY OF LANGUAGES)

A B S T R A C T. The article examines general methodological problems of studying the oldest stages of prehistory of Northern Eurasia (XV–V millennium BC) on the example of the Nostratic macrofamily of languages: the perception of macrocomparativistics by the traditional linguists and the response of macrocomparativists to the traditional criticism, the relationship of the proto-language as a formal linguistic reconstruction and as a real historical phenomenon, theoretically possible boundaries of the distribution of the ancient proto-language (Fig. 2), the role and place of genetics in the system of sciences relevant to prehistory, etc. The article analyzes several specific issues: the current situation in the Nostratic reconstruction, the problem of verifying the existing etymological material and of identification and stratification of ancient borrowings, the problem of the composition of the macrofamily, the time, space and possible scenarios of its disintegration (Fig. 1). The paper critically examines some Nostratic, Indo-European (word for horse) and Sino-Caucasian (words for goat) etymologies. Using linguistic, archeological, genetic and paleogeographic data, we suggest a hypothesis that connects the Nostratic unity with a complex of close archaeological cultures of the Upper Paleolithic, created by hunters of the mammoth steppe in the periglacial zone of Eurasia, from the Northern Black Sea to the Baikal region, with close haplotypes (Y-chromosome R, mit-DNA U); the disintegration of the Nostratic unity (the breakdown of direct contacts between pre-Indo-European and pre-Uralic dialects of the community) could be caused by the intensification of the runoff of the proglacial lakes along the Turgai spillway and the Khvalynsk transgression (Fig. 3).

K E Y W O R D S: prehistory, Northern Eurasia, long-range comparative linguistics, Nostratic macrofamily of languages

Vladimir V. NAPOLSKIKH — Member of the RAS, Udmurt State University; Kazan Federal University (Russia, Izhevsk; Kazan)
e-mail: vovia@udm.ru

R E F E R E N C E S

Aikio A. (Luobbal Sámmol Sámmol Ánte) The Uralic-Yukaghir lexical Correspondences: Genetic Inheritance, Language Contact or Chance Resemblance? *Finnisch-ugrische Forschungen*, 2014, Bd. 62, pp. 7–76. (in English).

Burrow T., Emeneau M. B. A Dravidian Etymological Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1984, 896 p. (in English).

Chernykh Ye. N., Orlovskaya L. B. [The Phenomenon of the Maykop Community and its Radiocarbon Chronology]. *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka* [Archaeology of the Caucasus and Middle East]. Moscow: “Taus” Publ., 2008, pp. 259–275. (in Russ.).

Čop B. *Die indogermanische Deklination im Lichte der indouralischen vergleichenden Grammatik* [Indo-European Declination in the Light of Indo-European Comparative

grammar]. *Slovenska Akademia Znatnosti in Umetnosti* [Slovenian Academy of Sciences and Arts], 1975, II, vol. 31. (in German).

Crowe K. J. A History of the Original Peoples of Northern Canada. Montreal; London: McGill-Queen's Univ. Press, 1977, 264 p. (in English).

Damgaard C., Martiniano R., Kamm J. et al. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia. *Science*, 09 May 2018. Doi: 10.1126/science.aar7711. (in English).

Dolgopolsky A. Nostratic Dictionary. Cambridge: McDonald Instit. for Archaeological Research, 2008, vol. 1–4, 3124 p. (in English).

Dybo V. A., Terentev V. A. [Nostratic Macrofamily and the Problem of its Temporal Localization]. *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka: Tez. i dokl. konf.* [Linguistic Reconstruction and the Most Ancient History of the East: Conf. mat.]. Moscow: Nauka Publ., 1984, iss. 5, pp. 8–16. (in Russ.).

Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. *Indoevropeyskiy yazyk i indoevropeytsy* [Indo-European Language and Indo-Europeans]. Tbilisi: Tbilisi State Univ., 1984, vol. 1–2, 1330 p. (in Russ.)

Gray R., Atkinson Q. Language-tree Divergence Times Support the Anatolian Theory of Indo-European Origin. *Nature*, 2003, no. 426, pp. 435–438. Doi: 10.1038/nature02029. (in English).

Grosvald M. G. [Ice Sheets in the Russian North and North-East During the Last Great Chill]. *Materialy glyatsiologicheskikh issledovaniy* [Data of glaciological studies]. Moscow: Nauka Publ., 2009, iss. 106, 152 p. (in Russ.).

Grosvald M. G. [The Last Great Glaciation of the Territory of the USSR]. *Nauki o zemle* [Earth science]. Moscow: Znanie Publ., 1989, iss. 10, 48 p. (in Russ.).

Illich-Svitych V. M. *Opyt sravneniya nostraticheskikh yazykov* [Experience of Comparing Nostratic Languages]. Moscow: Nauka Publ., 1971, vol. 1, 371 p.; 1976, vol. 2, 156 p.; 1984, vol. 3, 136 p. (in Russ.).

Kassian A. S., Zhivlov M. A., Starostin G. S. [Towards a Probabilistic Evaluation of the Indo-Uralic Connection: Applying Automated Comparison to Reconstructed Sets of Basic Lexicon]. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XVIII (chteniya pamyati I. M. Tronskogo): Materialy mezhdunar. konf.* [Indo-European Linguistics and Classical Philology — 18. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2014, pp. 382–408. (in Russ.).

Kasyan A. *Maykopskaya kultura, ee proiskhozhdenie i yazykovaya identifikatsiya: vzglyad lingvista* [Maykop Culture, its Origin and Language Identification: the View of a Linguist], 2017. Available at: http://генофонд.рф/?page_id=28165 (accessed: 21.05.2018).

Kullanda S. V. [The Name of the Horse in Proto-Indo-European]. *Aspekty komparativistiki 3* [Aspects of Comparative Linguistics 3]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2008, pp. 669–678. (in Russ.).

Larsson L.-G. *Zum Problem der uralischen Urheimat* [The Problem of Ural Homeland]. *Linguistica uralica*, 1990, vol. 26, no. 4, pp. 230–238. (in German).

Lipp R. *Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen. Band I. Neurekonstruktion, Nuristan-Sprachen, Genese der indoarischen Retroflexe, Indoarisch von Mitanni* [The Indo-European and Single-Language Palatal in Indo-Iranian. Vol. 1. New

Constructions, Nuristan Languages, Genesis of the Indo-Aryan Retroflexes, Indo-Aryan by Mitanni]. Heidelberg: Universitätsverlag WINTER, 2009, 458 p. (in German).

Mason L. The Swampy Cree: a Study in Acculturation. *Anthropological papers of National Museum of Canada*, 1967, no. 13. Ottawa. (in English).

Mudrak O. A. *Etimologicheskiy slovar chukotsko-kamchatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Chukchi-Kamchatka Languages]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Publ., 2000, 288 p. (in Russ.).

Mudrak O. Kamchukchee and Eskimo Glottochronology and Some Altaic-Eskimo Etymologies Found on the Swadesh List. *Aspekty komparativistiki 3* [Aspects of Comparative Linguistics 3]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2008, pp. 297–336. (in English).

Napol'skich W. Tocharisch-uralische Berührungen: Sprache und Archäologie [Tocharian-Uralic Touches: Language and Archaeology]. *Early contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations* / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 2001, vol. 242, s. 367–383. (in German).

Napolskikh V. V. [Baltic-Slavonic Language Component in the Low Kama Region in the Middle of 1st Thousand CE]. *Slavianovedenie* [Slavic Studies], 2006, no. 2, pp. 13–19. (in Russ.).

Napolskikh V. V. [On the Methodology of Palaeohistorical Reconstructions]. *Povolzhskaya Arkheologiya* [The Volga River Region Archaeology], 2015, no. 4, pp. 235–265. (in Russ.).

Napolskikh V. V. *Ocherki po etnicheskoy istorii* [Essays on the Ethnic History]. Kazan: Kazanskaya nedvizhimost Publ., 2015, 646 p. (in Russ.),

Napolskikh V. V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to Historical Uralistics]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS Publ., 1997, 268 p. (in Russ.).

Nikolaeva I. A Historical Distionary of Yukaghir (Trends in Linguistics. Documentation, vol. 25). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2006, 500 p. (in English).

Nikolayev S. L., Starostin S. A. A North-Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk Publ., 1994, 199 p. (in English).

Paleolit SSSR [Paleolithic USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 384 p. (in Russ.).

Raghavan M., Skoglund P., Graf K. E. et al. Upper Palaeolithic Siberian Genome Reveals Dual Ancestry of Native Americans. *Nature*, 2014, no. 505, pp. 87–91. Doi: 10.1038/nature12736. (in English).

Sammalahti P. Historical Phonology of the Uralic Languages. *The Uralic languages. Description, history and foreign influences (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung. Handbook of Uralic studies)*. Leiden; New York; København; Köln: Brill, 1988, vol. 1, pp. 480–554. (in English).

Starostin G. S. [Once again on the problem of personal pronouns in Dravidian languages]. *Aspekty komparativistiki 2* [Aspects of comparative linguistics 2]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2007, pp. 101–150. (in Russ.).

Starostin G. S. *K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat besed o sravnitelno-istoricheskom yazykoznanii s Ye. Ya. Satanovskim* [To the Origins of Linguistic Diversity. Ten Talks about Comparative-Historical Linguistics with E. Ya. Satanovsky]. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2016, 584 p. (in Russ.).

Starostin S. A. [Indo-European-North Caucasian Isoglosses]. *Drevniy Vostok: etnokulturnye svyazi* [The Ancient East: Ethno-Cultural Communications]. Moscow: “GRVL” Publ., 1988, pp. 112–163. (in Russ.).

Starostin S. A. Indo-European Among Other Language Families: Problems of Dating, Contacts, and Genetic Relationships. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2007, pp. 806–820. (in English).

Starostin S. A. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2007, 800 p. (in Russ.).

Starostin G. S. Macro-Comparative Linguistics in the 21st Century: State of the Art and Perspectives. *Vestnik RGGU. Ser.: Filologiya. Voprosy yazykovogo rodstva* [RGGU Bulletin. Ser.: Philology. Journal of Language Relationship], 2014, vol. 11, pp. 1–12. (in English).

Starostin G. S. On the Genetic Affiliation of the Elamite Language. *Mother Tongue*, 2002, no. 7, pp. 147–170. (in English).

Starostin S. A. Sino-Caucasian Etymology. Available at: http://starling.rinet.ru (accessed: 21.05.2018). (in English).

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. Etymological Dictionary of Altaic Languages (Handbook of Oriental Studies / Handbuch Der Orientalistik). Leiden: Brill Academic Publ., 2003, part 8, 2106 p. (in English).

Viitso T.-R. Preliminary Data on the Relation of California Penutian to Uralic and other Nostratic Languages. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugrian Studies], 1971, vol. 7, no. 2, pp. 119–128. (in English)

Yablonskiy L. T. *«Lysenkovshchina» v sovremennoy amerikanskoy antropologii i genetike* [“Lysenkovshchina” in Modern American Anthropology and Genetics] Available at: http://генофонд.рф/?page_id=7182 (accessed: 21.05.2018). (in English).

Yakhontov S. Ye. [The Homeland of the Nostratic Languages]. *Stavistika. Indoevropeistika. Nostratika* [Stavistics. Indo-European Studies. Nostratics]. Moscow, 1991, pp. 13–17. (in Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ав. — авестийский, авар.-анд. — прааваро-андийский, адыг. — адыгейский, ар. — (пра) арийский, башк. — башкирский, бур. — бурушаски, греч. — древнегреческий, груз. — грузинский, дарг. — даргинский, др.-инд. — древнеиндийский, иран. — (пра)иранский, лезг. (пра)лезгинский, ностр. — ностратический, перм. — прапермский, перс. — персидский, ПВостК — правосточнокавказский, ПЗапК — празападнокавказский, ПИЕ — приндоевропейский, ПСам — прасамодийский, ПСевК — прасевернокавказский, ПСК — прасино-кавказский, ПУ — прауральский, ПФУ — прафинно-угорский, ПЮ — праюкагирский, руш. — рушанский, тат. татарский, тинд. — тиндинский, тю. — (пра)тюркский, удм. — удмуртский, чув. — чувашский, шугн. — шугнанский.